

рассказ

133

*Ямил
Сафиуллин*

Яблоко от яблони...

СРОК воинской службы у рядового роты снайперов Сазова подошёл к концу. Но он, в отличие от своих сослуживцев, не подал рапорта с просьбой перевести его на контракт. Неожиданный случай. Грех было просто уволить Сазова в запас. Кроме природных дарований, позволивших стать отличным снайпером, он владел английским языком. Переводил добывшие с Интернета и иными путями материалы по снайперскому делу. Сазова хорошо знал и мог уговорить его принять положительное для части решение прапорщик Руденко. Пришлось ждать его возвращения из командировки.

* * *

– Что, Сазов, службе конец? Скоро домой?

– Да. Выходит так.

Разговор шёл в прилегающем к каптёрке помещении. С дощатым столом, покрытым клеёнкой, с такими же, как в казарме, стульями, тумбочками, с электрической плитой и холодильником. Руденко, стройный, гладко выбритый, расчётливый в движениях старожил-сверхсрочник, отметил для себя Сазова среди новичков роты сразу. С ним, понимающим всё с полуслова, было легко работать.

— Мне полковник дал задание поговорить с тобой. И без него, конечно, собирался... Короче, оставайся по контракту. — Говорил Руденко не спеша и прямо глядя на своего собеседника. Сазов внимательно слушал.

— Тебе сколько сейчас? Двадцать. Пора подумать о будущем. Смотри, что выходит по контракту: нормальное денежное довольствие, полная социалка... Сначала контракт на пять лет, а там посмотришь. Можешь уволиться, пойти в школу прaporщиков или в высшее военное училище. Выйдешь на пенсию — будешь нарасхват. Теперь метко и в темпе стрелять хотят многие. Особенно богатые и кто у них на службе. Но, запомни, сейчас уйдёшь вот так, как надумал, мало что заимеешь. Самому метко стрелять и быть тренером по этому делу не одно и то же. Здесь становишь настоящим инструктором. И на всю жизнь. Что скажешь, Сазов?

— Даже не знаю...

— Не думай, что вся моя жизнь, к примеру, проходит только в гарнизоне, в постоянных тренировках и учёбе. Есть выходные, командировки и, как у всех, отпуск. Недавно стажировался я в Солнечногорске, в известной и тебе школе снайперов. Потом, знаешь ведь, почти две недели меня на службе не было. Тестировал биатлонистов в их лагере...

К биатлону, который упомянул прaporщик, Сазов почти потерял интерес, хотя раньше любил этот вид спорта с его скоростями, стрельбой, выносливостью, тактикой, нервными вздохами от промахов и рёвом трибун на победном финише... Он, будто наяву, видел заснеженные склоны с мальчишками на санках, лыжах, нехоженый, густой лес, одинокую, полузыпанную снегом хижину на поляне и облака над всей этой безмятежной красотой, которая, казалось, противостояла человеческой страсти стрелять.

— В каких сферах витаешь, Сазов? Устал или что?

— Извините, товарищ прaporщик, со мной иногда такое бывает.

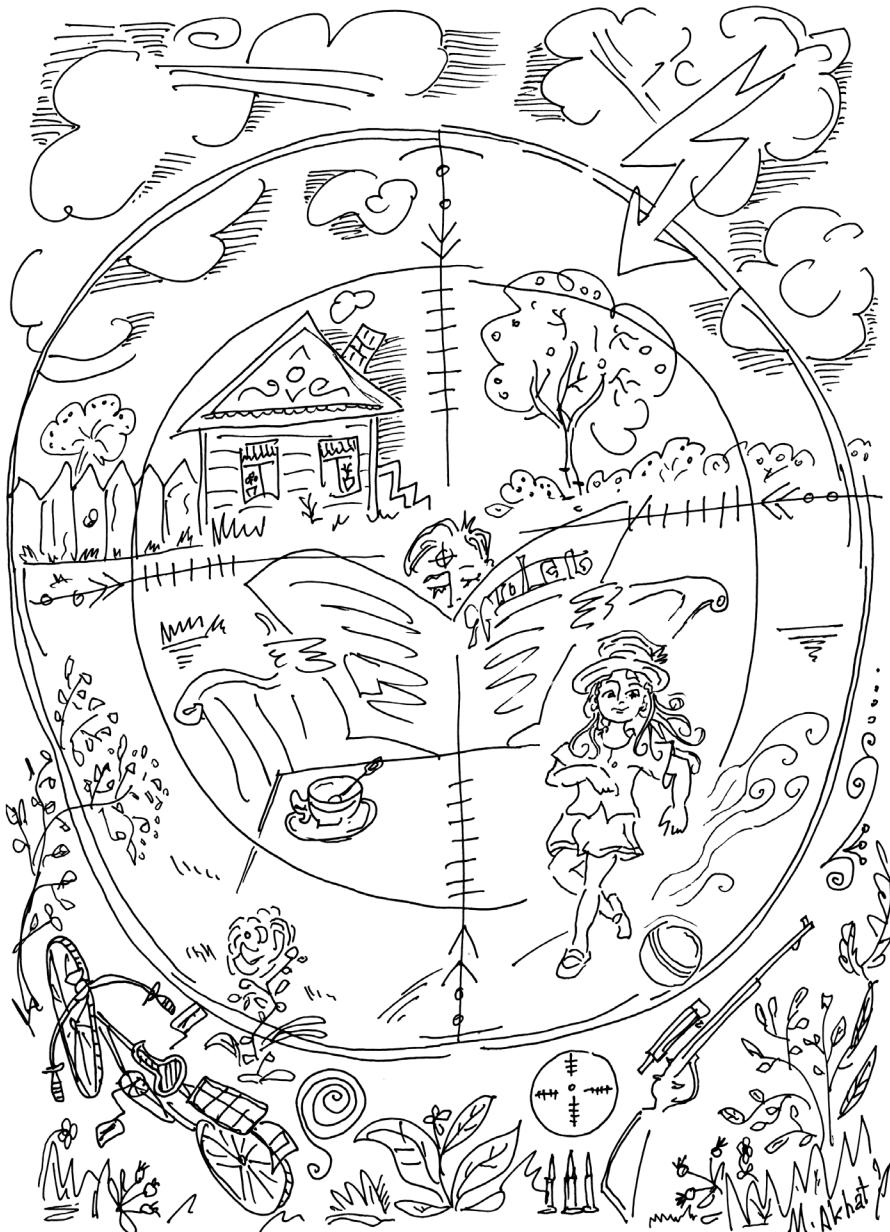
— Ну ладно. Мы тут с тобой время ужина прозевали. Так что сами себя наляем. Картошки сварим.

После того, как картошка была помыта и поставлена вариться, Руденко повёл Сазова в оружейную комнату, расположенную рядом по коридору. Он имел постоянный доступ туда.

Снайперские винтовки стояли в трёх пирамидах вдоль стен комнаты. Посередине — большой, вытянутый в длину стол для осмотра оружия и ухода за ним. Мёртвая тишина. Винтовки в ожидании своего часа. Но пока они «на замке» с помощью металлического троса, протянутого в скобы спусковых крючков.

В двух пирамидах — отечественные снайперские винтовки конструктора Драгунова. Рядовые в роте тренировались в основном на них. В пирамиде у правой стены — целая история снайперских винтовок, представленная в разнообразии отдельных экземпляров: немецкого, американского, китайского, отечественного производства. Среди них и знаменитая винтовка Мосина, с 1891 года и до 1963-го состоявшая на вооружении отечественной армии. Сазов её узнал, участвовал в её пристрелке. Красавица. Совершенная в своих формах. Всё ложе винтовки из красно-коричневой берёзы с заметными следами годовых колец. Сазов тронул её за накладку на стволе и вздрогнул. Ему послышалось, будто она просит его: «Освободи, возьми меня, я так устала ждать без дела». Руденко видел, как взволновался Сазов, как побледнело лицо его и в струнку вытянулось тело.

От картошки в мундире, опрокинутой из кастрюли в большую алюминиевую чашу, mestами надтреснутой в кожуре, шёл с детства знакомый дух. Вскрытая банка со шпротами. Зелёный лук. Грибы. Хлеб. Прaporщик достал из тумбочки бутылку водки и два гранёных стакана. Такие были и у деда Сазова. Ещё с военного времени. Из них он пил чай, принимал аспирин, а в праздники водку. Себе Руденко налил по край ободка, Сазову — половину. Выпили в один приём.

— Сазов, ты мне почти родной. Останешься — всему научу, всему, что знаю. Мне через полтора года на пенсию. Будешь вроде наследника. Ты лучший. Кто тебя ждёт дома? Дед да бабушка.

На каждого из снайперов в роте, как и на винтовки, составлялись анкеты с «тактико-техническими данными». Руденко знал, что Сазов вырос и воспи-

тывался не в родительском доме, что неудачно поступал в университет.

— Дед умер, теперь одна бабушка.

— Так, возьмёшь её к себе.

— Не получится. Она оттуда никуда не уедет. Только мне к ней.

Наступило молчание. Наконец Сазов осмелился спросить о том, что ему так хотелось знать:

– На гражданке вы сами-то что собираетесь делать, товарищ прапорщик?

– Что буду делать? Мне сейчас сорок два. Ещё жить да жить! Заведу пекарню. Буду хлеб душистый печь...

Сазов, улыбаясь, продолжил:

– Может, вам и ручной жёрнов приобрести, как у моего деда?

– А какой он?

– Из двух круглых камней. Один над другим. Ручка на верхнем камне, отверстие в его центре, куда зерно засыпать. Крутишь его – мука на простыню летит. Потом её можно замешивать на хлеб, пироги и всё такое прочее.

– И вы вместе пекли?

– Конечно. Когда дед работал комбайнером, и я ходил у него в помощниках. Что ни на есть из первого урожая готовили и обязательно в печи, топленной дровами. Приходили родственники, если первый хлеб, хвалили. В общем праздновали.

– Чёрт возьми, здорово! Повезло тебе с дедом.

Под конец разговора прапорщик спросил:

– Читал Фенимора Купера?

– Конечно.

– Помнишь, как индейцы называли винтовки?

– «Длинные руки».

– Вот этими «длинными руками» европейцы истребляли индейцев и решали свои дела в Америке. И мы приросли к винтовке или, наоборот, она к нам – не важно. Без неё теперь – будто никуда. Она тебя тоже не отпустит. Будь осторожнее с ней. Возвращайся, если надумаешь.

* * *

Ранним летним утром Сазов, сойдя с поезда в Казани, доехал на пригородном автобусе до посёлка, в котором был его дом. Густой низовой туман закрыл пояс Залесную улицу и медленно, словно нехотя, спускался вниз по реке, цепляясь ключьями за палисадники, деревья, молодую траву. У ворот дома, на лавочке должна была ждать бабушка Дарья. Он

звонил ей накануне и сказал, что приедет первым же автобусом. Сазов всматривался в дом, в его широкие ворота. Но её не видел. Вдруг, как будто большая птица взмахнула чёрными крылами над белым туманом и вновь опустилась на землю. Это бабушка поднялась с лавочки у ворот, сняла платок с головы и накинула его на плечи. Его ещё не заметила. Сазов перенёс вещмешок на другое плечо и ускорил шаг. Наконец встретились.

– Родненький, вернулся! Не чаяла дождить. – Бабушка ладонями пригнула его голову так, как она привыкла делать, когда он повзросел. Обнимала его, пытаясь сдержать слёзы. Сазов тоже растрогался, целовал бабушкины руки, лицо. Ощущал губами соль её радостных слёз.

Вошли в просторные сени дома. Сазов скинул с плеча вещевой мешок, снял ботинки, ступил на крашеный, из широких досок пол, на котором так нравилось ему играть в детстве. На столе – самовар, земляничное варенье, сливики, домашний хлеб. По комнате тянет из печи ароматом любимого пирога с луком и яйцами. Сазов в этом доме вырос, ходил в школу, был призван отсюда в армию. Когда отец с матерью разводились (ему было тогда около трёх лет), завязался спор: с кем из них его оставить? Спросили, между прочим, и о его желаниях.

– С бабушкой и дедом, – ответил он. И так упорствовал, что родителям пришлось уступить.

Внук достал с самого верха своего вещевого мешка большую кашемировую шаль с бахромой и крупными красными цветами. У старого, почти во всю высоту комнаты зеркала бабушка стала примеривать её, улыбалась, водила плечами.

– Да ты, бабуля, красавица у нас!

– Спасибо, Родя! – В семье, тётя Оля, да и все родственники называли его, Родиона, именно так. В школе звали Сазов, в армии тоже, как принято, по фамилии только.

– А это Насте, велогонщице нашей, – сказал он, вынимая из вещмешка мо-

тоциклетный шлем. – Что-то она перестала писать?

Настя, двоюродная его сестра, писала письма от имени бабушки. В конце каждого из них высокими и узкими буквами было выведено: «Целую. Жду». Когда послания с такими словами перестали приходить, Сазову стало как-то не по себе и одиноко.

– Некогда ей теперь. Всё в школе... – ответила бабушка и перевела разговор: – Что ты в армии, Родя, делал?

– Служил в роте снайперов, бабуля. Учился стрелять.

– Дед всю войну прошёл и ни разу не стрельнул.

– Так он связистом был. За связистов стреляли другие. Им один автомат на всё звено давали.

– Неужто ещё будем воевать?

– Не знаю. Но лучше быть готовыми. Мне, бабуля, предлагали остаться служить по контракту. Отказался. Учиться надо. И хочу жить дома, с тобой.

– А чему учиться-то? Опять английскому?

– Теперь нет... Пойду в медицинский, на хирургический...

Удивление и внутренняя радость от возможного будущего внука тронули лицо бабушки.

– Как хорошо ты это надумал! Поступишь ли? Там ведь тоже экзамены непростые.

– Поступлю. У меня теперь льгота, вне конкурса. Только экзамены сдать. Пойду на курсы и работать пока стану. Механизатором, шофёром, что подвернётся. Главное – у меня глаза, руки, выдержка снайпера... Как раз то, что нужно хирургу.

– Боже мой, не сглазить бы. Молиться стану за тебя.

– В начале, бабуля, схожу к деду. К его могиле.

– Сходи, дорогой. Дороги сухие. До-ждя давно не было. Засуха.

– Так туман же, дальше носа не видно было.

– Это только по утрам, река ведь рядом, сам знаешь. А в поле хлеб горит.

* * *

День рабочий. На кладбище, где дед похоронен, никого. Его могила на главной аллее. Вот невысокая стела с надписью: «Сазов Николай Трофимович (1923–2016), ветеран Великой Отечественной войны, кавалер орденов Ленина, Отечественной войны...» Под стелой нарциссы с бело-жёлтыми головками, склонёнными к земле, повядшие гвоздики.

Из своих военных наград дед особо ценил медаль «За отвагу». Ею награждали в основном солдат исключительно за личную храбрость, проявленную в бою. Не просто «за участие» в коллективных военных операциях, как было с большинством других медалей. Когда деда приглашали как ветерана войны в школы, на его пиджаке она была рядом с орденом Ленина, а вместо остальных наград – только планки.

Приходила легковая машина. Дед и Родион садились на заднее сидение. Родион чувствовал тяжесть руки деда на своём плече. Его рассказы в разных школах и в разные годы сводились в основном к одному – форсированию Днепра в сентябре 1943 года и к награждению его медалью «За отвагу».

Дед с войны вернулся молодым, в возрасте немного старше Родиона после армии. О войне в доме не говорили. Она была эпизодом в дедовской жизни, а в большей её части царил мир. С выращиванием хлеба, крестьянским бытом... В числе лучших механизаторов республики его наградили орденом Ленина.

В свободное от школы время, особенно в каникулы, Родион бывал с дедом. На пахоте, на севе, на уборке хлеба... Вначале рядом в кабине трактора, комбайна, потом, когда подрос, и в качестве его помощника. Дед был скончан на слова. Без прямых наставлений.

– Смотри, Родя, пшеница в поле неровная. Видишь, одни колоски прямые и высокие, другие – поникшие. Первые – пустые, без зёрен. Так и меж людей. Пустых людей немало.

* * *

Дом тёти Ольги и Насти такой же, как и у Сазовых, но в другом, вниз по реке конце улицы. В больших сенях притаился Настин велосипед. Со спущенным передним колесом, с высохшим венком из ромашек и ожерельем из речных ракушек на руле.

О том, что Родион возвращается, в доме знали, но встретила его тётя Оля одна. В фартуке поверх платья, в прикрывавшей волосы косынке, она оторвалась от плиты, на которой готовила ужин, поцеловала его, удивляясь тому, как он подрос и возмужал.

— Садись, Родя. Скоро придут Серёжа и Настя. Будем ужинать.

— Как у Насти, тётя Оля, дела? Она перестала от бабули писать, совсем меня позабыла.

Ольга присела на лавку, опустив плечи и держась пальцами за края фартука.

— А бабуля ничего тебе не говорила?

— Нет. А что?

— Не смогла, значит... Насте, Родя, плохо. Ты знаешь Пичугина?

— Пивовара, что ли? Конечно, как и все, знаю.

— Он надругался над Настенькой.

Ольга закрыла лицо подолом фартука, прикрывая слёзы. Острая боль от случившегося почти полгода назад несчастья, боль, которая со временем притупилась, вернулась к ней.

У Родиона потемнело в глазах, он не мог представить себе, как такое могло случиться, и вначале не находил слов в ответ.

— И что же ему за это?

— Ничего. — В голосе Ольги — обречённость. Как перед злой судьбой, которой невозможно противостоять.

— Надо было под суд отдать.

— Он сам здесь и судья, и хозяин, и насильник. Ничего не докажешь. Найдёт себе любых свидетелей. Только опозоришься.

Владелец ОАО «Витязь» Андрей Пичугин был для посёлка действительно всем. Большинство работоспособного

его населения трудилось у него. Он помогал содержать больницу, школу, детские сады, ремонтировать дороги. По праздникам ветераны войны получали от его имени поздравления и подарки, которые разносились, как правило, школьниками. Но взамен своих благодеяний Пичугин, по аналогии с античным мифическим персонажем Минотавром, требовал ежегодных жертв, к которым посёлок приучил себя и сносил как неизбежный рок. Тесей на него не находился.

— Тётя Оля, и что же теперь?

— Постоянно в школе она. Серьёзная. Отличница. Косу вот отрезала, велосипед забросила, петь перестала.

— Лицо опять в подол фартука, тихий всхлип...

— Пойду я, тётя Оля.

— Она же скоро будет.

— Нет, пойду. Позже как-нибудь. Кое-что прежде сделать надо...

Родион вышел из дома, прикрыл за собой калитку. На небе ни облачка. Пустое и жаркое, дождя оно не обещало.

Он шёл по пыльной деревенской улице и вспоминал густые, распущеные по плечам волосы Насти. Когда она откидывала их на спину, обнажалась белая, тонкая, как стебелёк, шея с синеватыми прожилками. И петь перестала?..

Время в сознании Родиона остановилось. Чтобы разделиться на светлое невозвратное прошлое и излучающее страдание настоящее. По обозначившимся, как у взрослого мужчины, скулам Родиона, по сомкнутым его губам и холодным, острым искоркам в глазах Дарья поняла, что Ольга рассказала ему о том, на что она сама не смогла решиться.

— Бабуля, я на сеновал.

— Да сена-то уж там нет.

— Проверю, если что не так, вернусь.

При деде с мая до поздней осени Родион обычно ночевал на сеновале. И сейчас, взяв старый тулуп и подушку, отправился в облюбованное с детства место.

Ночью видел сон. Будто он на войне. Как и дед, связистом. Вплавь форсирует

реку, один и не на плоту. С перекинутым через плечо телефонным кабелем. Раздвигает льдины... Вдруг над рекой повисает ракета-фонарь. Сейчас немцы обнаружат его и откроют по нему огонь. И в этот момент он просыпается. Солнце сквозь щель в крыше сарая бьёт прямо в лицо.

* * *

Награды деда, документы на них, письма с фронта хранились в небольшом чемоданчике под нарами в передней комнате дома. Сбоку в чемодане притаился свёрток в старом женском платке. В нём – треугольники солдатских писем. Их много. С одним и тем же, адресом – сюда, домой, – выведенным химическим карандашом, со штампами полевой почты. Родион удержал себя от острого желания развернуть хотя бы одно из них. Знал, что тогда не сделает того, что задумал. Он взял орден Ленина, сопроводительные к нему документы и пошёл из дома на автобусную остановку.

Городской блошиный рынок, как и до армии, на прежнем месте – в парке, недалеко от автовокзала. Здесь свой, почти как в супермаркете, порядок, свои «отделы» с различными товарами. В центре рынка торчит давно пересохший фонтан, вокруг которого располагаются, как правило, пенсионеры с нехитрым скарбом – книгами, альбомами, открытками, столовой посудой, куклами... Но всё это только видимая часть рынка. На самом деле, здесь можно купить порнографические фильмы, дорогие, но по дешёвке краденые вещи, а то и оружие приобрести без лицензии на него.

Родион нашёл торговцев травматическим оружием. Они оказались в том же круге, что и пенсионеры. Двое. Старший по возрасту – среднего роста, без особых примет, с военной выпрявкой, скорее изучающий покупателя, чем готовый служить любому встречному-по-перечному. Другой – долговязый, худой, с мешками под глазами – молодой человек лет двадцати пяти. Покупателей

почти никого. Оставшись один, Родион обратился к молодому:

– Снайперская винтовка Драгунова. В полном комплекте. Патроны тоже. Куплю.

– Почему не в магазине?

– У меня лицензии нет.

Долговязый посмотрел на своего патрона и, видимо, получив разрешение продолжить контакт, дал Родиону номер своего телефона.

– Позвонишь завтра. Лучше с утра. Меня Лёня, а тебя как?

– Родион.

Стрельбище, расположенное на берегу Волги, куда привёз Родиона на своей машине Леонид, – частное предприятие. Было видно, что стрельбище по своей технической оснащённости не уступает военному. Леонид подвёл Родиона к человеку, которого он назвал инструктором. Видимо, в прошлом военному, с протезом вместо левой руки, который без лишних вопросов перешёл к делу.

– Драгунок есть. Из консервации. На учёте не состоит. В полном комплекте. Посмотришь в деле?

– Конечно.

– Расстояние?

– Сто метров.

По тому, как Родион занял исходное положение, по слаженности его в движениях инструктор понял, что перед ним хотя и молодой, но уже опытный стрелок.

Четыре пробоины в мишени от выстрелов Родиона уместились в круге диаметром менее пяти сантиметров.

– Отставить. Нечего зря патроны тратить. Ты, я вижу, стрело-о-ок!

Лицо инструктора оживилось. На миг он вернулся в свою молодость, во времена стрелкового соперничества с такими же, как и сам, честолюбивыми юношами. Родион для него был свой в веренице бестолковых, иногда и недостаточно трезвых клиентов, на которых уходила большая часть его времени.

– Зачем тебе винтовка без лицензии? Можешь работать здесь. Платят хорошо. Главное – всё законно. Будешь

учить стрелять, а за то, что потом твой ученик станет делать, ты не в ответе. Я поговорю, с кем надо...

– Не сейчас.

– Ладно. Тебе решать. Видел номер винтовки, узнаешь её потом?

– Конечно.

– Остальное с Лёней. Пока.

Через несколько дней Родион получил от Леонида винтовку с пакетом патронов к ней и расплатился с ним частью денег, полученных от продажи – тоже с помощью блошиного рынка – ордена Ленина.

140

* * *

Имение Пичугина – на левом берегу Мёши, на её излучине, в нескольких километрах от впадения в Камский залив. Просторные земли имения с трёх сторон омываются речной водой, а с тыльной обнесён высоким кирпичным ограждением. Кроме дома, за оградой разместились крытый плавательный бассейн, теннисный корт, большая оранжерея, конюшня и другие надворные постройки. А также плодовый сад, молодой, начавший разрастаться парк с беседками и водоёмами.

Примерно в половине километра от имения Пичугина, вниз по реке, на правом берегу – небольшой холм с ложбиной посередине, поросшей орешником и мелким кустарником. Здесь Сазов и определил место для «лёжки», откуда хорошо просматривался дом Пичугина. Для того, чтобы поразить цель с такого расстояния, винтовка Драгунова вполне подходила. Но не одна поездка понадобилась для того, чтобы установить, в какое время и в каком месте своего поместья Пичугин может быть сражён его выстрелом.

Большую часть своего времени Пичугин проводил в итальянском дворике, примыкавшем к восточной и южной сторонам его дома. Он любил читать в шезлонге, дремать в нём; за столом под большим тентом – листал деловые бумаги, принимал посетителей. Но его особой страстью было встречать здесь

то, что принято называть «непогодой». Вслушиваться в нарастающую дробь дождевых капель над головой, видеть, как ручьями стекает вода по ложбинам тента. При усилении порывов ветра он вставал с места, начинал прохаживаться, вглядываясь в грозовые тучи. Ему хотелось, чтобы они были ещё ниже, а ветер, дождь – сильнее, настолько, чтобы заставить реку потечь вспять, чтобы буря сорвала дрожащий от её напора тент, и он, Пичугин, причастился бы к разрушающей природной стихии, был заодно с ней.

Одна из велосипедных поездок на «лёжку» могла стать заключительной. Отдыхающего в шезлонге Пичугина легко было достать. Он читал газету, временами опуская её на колени, и, видимо, размышляя о чём-то. Следовало выждать именно этот момент. И солнце светило – ярче некуда, и ветра не было, который мог отклонить пулю от цели.

Всё было бы хорошо, если бы эта девочка, возможно, его внучка. Её присутствие Родион заметил по тому, как Пичугин рукой нехотя отбил подлетевший к нему мяч. Появилась и она сама. В соломенной шляпке, из-под которой – россыпью по плечам волосы. Она хотела вовлечь в свою игру и Пичугина. Её побежка, прыжки за мячом показались Родиону странными, пока он не догадался, что девочка попросту хромая. Она то и дело возвращалась к Пичугину, что-то говорила ему, пыталась оторвать его от газеты, расположиться рядом с ним в шезлонге. Вскоре появилась и молодая женщина, которая увела их обоих в дом.

В своей маскировке и действиях Сазов был настолько осторожен, что утка в близлежащей заводи, скрывавшаяся под раскидистой ивой птенцов, не опасалась его. Худая, с потускневшими перьями, с постоянной заботой о защите своего выводка, она будто понимала, что ни её птенцы, ни она сама не его цель.

Наступил день, в который, наконец, всё должно было решиться. Родион прибыл в своё укрытие и ждал возвращения Пичугина. Он стал привыкать к

месту своего отчуждения, к уединению в тени орешника. Ему казалось, что он слышит течение речной воды, направляющейся в большой залив. Когда он прижал к земле, сливался с нею в её неподвижности и спокойствии, она была заодно с ним, придавала ему силы, подобно мифическому Антею.

Временами он опрокидывался на спину и устремлял взор в небо, где по-прежнему не было ни облачка. Сегодня в вышине два коршуна. Отец обучает охоте своего питомца. Он в нижнем круге вращения, его крылья шире и парение ровнее. Сын выше в небе, подражает отцу, но взмахивает крыльями чаще, и круг его полёта уже. Как с такой высоты увидеть мышь, змею, птенца, разглядеть их в траве, в неровностях земли?! Как атаковать жертву, не позволив ей укрыться в норе, под камнем или и ещё каким-то образом?! Просто непостижимо!

Родион в оптический прицел видел висок Пичугина. Но с выстрелом промедлил. Пришлось ждать другого удобного момента, когда цель вновь опустит газету на колени, открыв тем самым голову.

Вдруг тишина разорвалась сильным порывом ветра. Утка плюхнулась в воду, к своим птенцам и торопливо повела их в укрытие под старой ивой. Поодаль, с юга, со стороны залива шла гроза. Багровая по краям, чёрная туча закрывала идущее к закату солнце. Разряды молнии разрывали потемневшее небо. Впереди грозы – сплошная тускло-белая пелена дождя.

Ливень нагнал велосипедиста, когда он с просёлочной дороги выехал на асфальт. Вначале хлестал со спины. Через минуту Родион уже весь был под водопадом. Снял шлем, чтобы лучше видеть дорогу. Не сбавлял скорость

даже на поворотах, оставляя за собой длинный шлейф из брызг. Вода хлестала по лицу, била со всех сторон одновременно и в то же время поразительным образом действовала исцеляющее, возвращая душу к какой-то исходной чистоте и уравновешенности.

Наутро в городской газете в траурном обрамлении появилось сообщение. «Вчера от разряда молнии на 51 году жизни погиб Пичугин Андрей Свиридович, генеральный директор ОАО «Витязь», депутат Городской думы, благотворитель и т.д., и т.п.»

* * *

Обильным дождём прервался в посёлке долгий июньский зной. Дарованную небом большую воду даже страдающая от засухи почва не могла сразу принять в себя. Мутные потоки уносились безжалостно в реку. Однако часть влаги всё-таки оставалась на благодарных грядках огородов и в бороздах полей, где томились в совершенно обезвоженные колосья пшеницы и рожи. Истосковавшиеся по дождю люди, животные, растения вздохнули облегчённо. Сады заблагоухали ожившими цветами, кустарниками смородины, малины... Плотный темно-зелёный ковёр из птичей гречихи, покрывающей землю во дворах, запестрел мелкими, бледно-зелёными и по краям розовыми цветками. Потемнели омытые дождём стволы лип по берегу реки. Бело-серо-зелёные цветы их тяжёлыми влажными кистями свисали на погнувшихся от долгожданной тяжести ветвях. Природа в одночасье ожила.

– Пойду, бабуля, к Насте схожу, – сказал Родион.

– Сходи, Родя, сходи, – ответила бабушка.

